

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 6

2020

Л. А. Мещерякова

«Выход из храма под открытое небо языка» («евангельские» стихи Бориса Пастернака)

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_72

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых приемов русской адаптации церковнославянских текстов в «евангельских» стихах «Доктора Живаго» Б. Л. Пастернака. Выявляются языковые аллюзии и реминисценции, прямые и косвенные отзвуки библейских текстов; выясняется место сакральной лексики как средства стилиобразования. Обосновывается вывод о том, что факты библейской истории были глубоко личным переживанием автора, поэтому лексически и синтаксически Борис Пастернак не отделял, не обособлял, не отгораживал их от современного русского литературного языка. «Евангельские» стихи во многом определяют стилистику романа, написанного «с библейским лаконизмом, с кроткой и умиленной, слезной интонацией». В статье обращается внимание на место церковнославянского языка в языковом сознании современников Пастернака, что, безусловно, нашло свое отражение в идейно-художественном содержании «евангельских» стихотворений романа «Доктор Живаго».

Ключевые слова: «Доктор Живаго», Борис Пастернак, евангельские стихи, церковнославянский язык, аллюзивно-реминисцированная природа.

Об авторе: **Лариса Александровна Мещерякова**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры Церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета.

E-mail: lam050499@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-8220>

Ссылка на статью: Мещерякова Л. А. «Выход из храма под открытое небо языка» («евангельские» стихи Бориса Пастернака) // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 72–83.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 6

2020

Larisa A. Meshcheryakova

**“Exit from the Temple underneath the Open Sky of Language”
(Boris Pasternak’s “evangelical” Poems)**

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_72

Abstract: The article is devoted to the consideration of some methods of Russian adaptation of Church Slavonic texts in the “evangelical” verses of *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak. Linguistic allusions and reminiscences, direct and indirect echoes of biblical texts are revealed; the place of sacred vocabulary as a means of style formation is revealed. The conclusion is substantiated that the facts of biblical history were a deeply personal experience for the author, therefore, lexically and syntactically, Boris Pasternak did not separate, did not isolate, and did not fence them off from the modern Russian literary language. The “evangelical” verses largely determine the style of the novel, written “with biblical laconicism, with a gentle and tender, tearful intonation.” The article draws attention to the place of the Church Slavonic language in the mass linguistic consciousness of Pasternak’s contemporaries, which, of course, was reflected in the ideological and artistic content of the “evangelical” poems in the novel *Doctor Zhivago*.

Keywords: *Doctor Zhivago*, Boris Pasternak, evangelical poems, Church Slavonic, allusive-reminisced nature.

About the author: Larisa Aleksandrovna Meshcheryakova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Church History and Philosophy of the Penza Theological Seminary, Associate Professor of the Department of Church Literature and Teaching Methods of Literature of Penza State University.

E-mail: lam050499@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-8220>

Article link: Meshcheryakova L. A. “Exit from the Temple underneath the Open Sky of Language” (Boris Pasternak’s “evangelical” Poems). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 6, pp. 72–83.

Одной из первых попыток изложить богословские темы светским языком, в формах светской поэзии, была ода Г. Р. Державина «Бог», вызвавшая в свое время резко отрицательную оценку свт. Игнатия (Брянчанинова). «Мне очень не нравятся... все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими, — пишет он в одном из своих писем о подвижнической жизни. — Все эти сочинения написаны из „мнения“, оживлены „кровяным движением“. А о духовных предметах надо писать из „знания“, содействуемого „духовным действием“... какое преступление преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный!.. Послушались бы они веления Божия не воспевать песни Господней на реках Вавилонских...» (Игнатий Брянчанинов, 1995, 219–220).

Сегодня проблема допустимости использования светскими поэтами и писателями библейских текстов уже неактуальна. Особенно всесторонне изучены библейские мотивы в творчестве поэтов и писателей XIX–XX вв. Прежде всего следует назвать исследования Б. М. Гаспарова, С. С. Аверинцева, М. М. Дунаева, Е. А. Первушкиной, О. А. Седаковой, С. Семенович, С. Н. Бройтмана, а также многих других¹. Нас интересует вопрос, касающийся того, в какой мере русские писатели и поэты сохраняют стилистическую возвышенность и торжественность церковнославянского языка, как вписывают библейские мотивы в сюжетостроение, образно-поэтическую систему своих произведений. В наших рассуждениях о «евангельских» стихах Бориса Пастернака сошлемся на Ольгу Седакову — современного русского поэта, филолога, почетного доктора богословия Европейского гуманитарного университета. По ее мнению, новозаветные образы и темы существенны для всех стихотворений поэта, «авторство которых отдано Живаго, где в бытовое, пейзажное или автобиографическое пространство погружены евангельские прообразы» [Седакова, 2010, 207]. Это при том, что для пастернаковского стиха в целом характерна «поразительная современность языка как строительного материала» [Шанский, 2002, 216].

Возникновение «евангельских» стихов Пастернака, как правило, связывают с годами работы над «Доктором Живаго». Но еще в 1922 г., задолго до начала работы над романом, Пастернак напишет: «Я вишу на перу у творца // Крупной каплей лилового воска...». Уже здесь запечатлена «вечная пастернаковская жажда раствориться в реальности, стать орудием Творца, жившая в нем от первых и до последних стихов» [Быков, 2007, 389]. В стихотворении «Август» поэт говорит о празднике Преображения Господня как особом дне в своей биографии: 6 августа 1903 года, еще ребенком, по трагической случайности он упал с лошади и чудом избежал смерти. Композиционное своеобразие данного произведения состоит в его инверсионном построении. В начале стихотворения лирический герой августовским утром пробуждается ото сна. А затем вспоминает свой сон. Во сне он видит свои похороны в день Преображения Господня. Аллюзия к этому памятному для всех верующих дню, описанному в Библии, имеет очень большое значение в идейном содержании стихотворения. «Обыкновенно свет без пламени // Исходит в этот день с Фавора...» У лирического героя тоже наступает «преображение», Второй Спас — «полета вольное упорство // И образ мира, в слове явленный, // И творчество, и чудотворство». Известно, что именно с этим днем Пастернак связывает пробуждение своего творческого призвания. Проекция лирического героя на образ Христа станет одной из существеннейших образно-поэтических характеристик «евангельских» стихотворений Юрия Живаго.

¹ О христианской проблематике творчества Б. Л. Пастернака написано очень много. См., напр.: *Скоропадская А. А.* Евангелие от Иоанна в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9; *Соколов Б.* Кто Вы, доктор Живаго? М.: Яуза; Эксмо, 2006; *Бертнес Ю.* Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994; *Есаулов И. А.* Христианские основания русской литературы: борьба // Литературная учеба. 1998. № 1; *Фатеева Н.* Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Кондратьев А. С.* Духовная традиция и ее деформация // Москва. 2004. № 2; и др.

Весь роман «Доктор Живаго», с самой первой страницы, пронизывают библейские тексты, начиная с «Вечной памяти», «Со духи праведных» и слов «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней», произносятся которые, священник бросает горсть земли на могилу Марии Николаевны Живаго. Навсегда с тех похорон накануне Покрова в сердце десятилетнего Юры поселяется печаль и жалость. Последняя ночь перед отъездом в Поволжье была проведена им в одном из монастырских покоев. Среди ночи мальчик проснулся от стука в окно. «Темная келья была сверхъестественно озарена белым светом» (Пастернак, 1990, 8). Не иначе как «погребальными пеленами» представится мальчику снежная вьюга, покрывшая всю землю, отдалившая от него мамину могилу.

Много лет спустя Юрий Живаго частично воскресит эти впечатления в стихотворении «Белая ночь», посвященном петербургской весенней ночи. Казалось бы, абсолютно противоположны картины природы: «мерзлые лужи проезжей дороги», посившая от холода капуста на монастырском огороде, «кусты облетелой акации», «воздух дымился снегом», «бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее погребальными пеленами», — и «по садам... ветви яблоневые и вишневые // Одеваются цветом белесым», «соловьи славословьем грохочущим // Оглашают лесные пределы». Но роднит эти пейзажи взгляд героев из окна дома. «Первым движением Юры, когда он слез с подоконника, было желание одеться и бежать на улицу, чтобы что-то предпринять». Его слезы отчаяния и тоски могли облегчить лишь слова о Христе, которыми утешал мальчика «расстриженный по собственному прошению священник» Николай Николаевич Веденяпин. «Примостясь на... подоконнике», смотрит за окно и лирический герой стихотворения «Белая ночь»: «Мы охвачены тою же самою // Орбелою верностью тайне...». «И деревья, как призраки, белые // Высыпают толпой на дорогу, // Точно знаки прощальные делая // Белой ночи, выдавшей так много».

Евангельские стихи Юрия Живаго выросли из его страстных детских молитв о своей умершей матери, когда хотелось плакать до беспомытства, чтобы потом обрести чувство необыкновенной легкости и счастья. И еще из рассуждений Николая Николаевича, для которого смысл жизни был в стремлении к бессмертию и в сохранении верности Христу, потому что «человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование». Именно для этого, по его мнению, совершаются открытия и пишутся симфонии. Именно для этого Юрий Живаго будет писать стихи. Навсегда он запомнит слова о том, что на первом месте в «духовном оборудовании» — «любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем... идея свободной личности и идея жизни как жертвы...» (Пастернак, 1990, 14).

Для православного русского человека языком Священного Писания является церковнославянский. «Выход из храма под открытое небо языка», по словам Ольги Седаковой, для Пастернака означает не только обращение к библейским сюжетам и образам, но и стремление «обмирщить» храмовый церковнославянский язык, «отчетливо и намеренно все происходящее» передать русскими словами и прозаическим синтаксисом. Справедливости ради следует заметить, что первый, Синодальный перевод Библии на русский язык был сделан задолго до стихов Пастернака (а значит — успел стать традицией). Кроме того, уже в самом начале романа из уст Веденяпина звучит принципиальная для автора мысль: «...для меня самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности» (Пастернак, 1990, 45).

По свидетельству Евгения Борисовича Пастернака, старшего сына поэта, «Евангелие и вообще Библия были книгами, которые в семье постоянно читали» [Вигилианская]. Но по-настоящему пристрастился Борис Леонидович к чтению Евангелия еще в юности. К сожалению, нам не удалось найти прямых свидетельств о том, на каком языке читали Библию в семье поэта. Но то, что Пастернак знал «храмовый» язык, доказывает, прежде всего, перечень учебных дисциплин, которые преподавались

в классических гимназиях в том числе начала XX в. На изучение предмета «русский и церковнославянский (славянский) языки» приходилось практически самое большое количество учебных часов². В программах средних и высших учебных заведений церковнославянский язык изучался в связи с грамматикой русского литературного языка. В качестве иллюстративного материала привлекался текст Остромирова Евангелия. Легкий отзвук гимназических занятий сохранился в повести Пастернака «Детство Люверс», в которой Женя мучается от неразрешимой филологической задачки: «Отчего в слове „полезный“ пишется „е“, а не „ѣ“! Она затруднилась ответом...» (Пастернак, 1991а, 53). Более явные успехи в освоении гимназического курса можно обнаружить, например, в письме М. Цветаевой Пастернаку от 14 февраля 1923 г., в котором она признается: «Я с человеком в себе, как с псом: надоел — на цепь. С ангелами (аггелами!) играть труднее. <...> С аггелами — не игрывала!» (Цветаева, Пастернак, 2016, 39). Слова «аггел» (*ǫgǫlъ*) и «ангел» (*ǫngǫlъ*) в церковнославянском языке пишутся практически одинаково. Но с той едва заметной для непосвященных разницей, что слово «ангел» имеет над собой титло — надстрочный знак, указывающий только на священные понятия. Из чего явствует принципиальная семантическая разница: ангел — вестник Бога, а аггел — посланник сатаны. Не вызывает сомнения тот факт, что Цветаева и Пастернак, окончившие гимназические курсы с отличием, прекрасно разбирались в тонкостях церковнославянской грамматики.

Годы обучения Пастернака в 5-й московской гимназии (1901–1908) пришлись на время, когда в обществе остро был поставлен вопрос о сохранении либо упрощении традиционной церковной службы, а значит — и церковнославянского языка как языка богослужения. Обозначились два лагеря: реформаторы и архаисты. К последним принадлежал и выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Н. В. Покровский, который в 1906 г. в журнале «Церковный вестник» опубликовал статью «О богослужбном языке Русской Православной Церкви». Наше внимание привлекло следующее заключение: «Чтобы понимать ясно и определенно любую поэтическую речь („Бога“ Державина, „Пророка“ Пушкина. — Л. М.), недостаточно знания обыденного русского языка; необходимо известное образование, известная подготовка, знание... строя богослужения, канонов, ирмосов, акафистов» [Покровский, 1906, 494–495]. Мы видим, доказывая необходимость использования кирилло-мефодиевского перевода как богослужбного языка, Покровский и его единомышленники обращаются в том числе к эстетическим категориям, таким как красота, благолепие, благозвучие, возвышенность, торжественность [Кравецкий, Плетнева, 2001, 56]. Невозможно вообразить, чтобы острая полемика, развернувшаяся в печати по поводу языка богослужения и захватившая широкие круги не только служителей Церкви, но и представителей интеллигенции, прошла незамеченной Пастернаком и не повлияла на языковое сознание будущего поэта.

Глубокое освоение Пастернаком церковнославянского языка доказывает, на наш взгляд, та тонкость, с которой в самом начале романа, в эпизоде похорон Марии Николаевны, автор вводит и обыгрывает фамилию Живаго, а она является церковнославянской грамматической формой мужского рода родительного или винительного (в сочетании с одушевленными существительными) падежей прилагательного «живый». Так писатель с первых страниц вводит в роман тему бессмертия, стирает границы между живыми и мертвыми [Абелюк, Поливанов, 2009, 206]. Немало прямых свидетельств того, что Пастернак прекрасно знал церковнославянский язык, мы имеем и во многих других эпизодах романа: например, Сима Тунцева читает Ларисе Федоровне именно по-церковнославянски («Разреши долг, якоже и аз власы» и проч.)³.

² В исследованиях биографии Б. Л. Пастернака указывается тот факт, что он был освобожден от посещения занятий по Закону Божьему. Но это не отменяло изучение церковнославянского языка, который составлял с русским языком единую учебную дисциплину.

³ Существует много свидетельств того, что Б. Л. Пастернак знал и любил православное богослужение, которое оставалось для него всегда «душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а не спокойной привычкой» (Пастернак, 2005б, 472).

Да и сам Живаго, вконец измученный гражданской войной, больной, почти отчаявшийся найти свою семью, взывает: «О, как трудно и больно, Господи!.. как путаются мысли! Что со мною, Тоня?.. Отчего вас всю жизнь относит прочь, в сторону от меня?..» И в этот горячий монолог естественным образом вплетаются слова Канона равноапостольной Марии Магдалине, дословно приводимые: «Вскую отринул мя еси от лица Твоего, свете незаходимый?» (Пастернак, 1990, 385). А не приведенное Пастернаком окончание этого стиха — не что иное, как точная характеристика переживаемого Юрием Живаго состояния потерянности и отчаяния: «...и покрыла мя есть чуждая тьма, окаянного? Но обрати мя и к свету заповедей Твоих пути моя направи, молюся».

Другой пример естественного выхода церковнославянского языка «из храма под открытое небо языка» Борис Пастернак передал в эпизоде, когда доктор Живаго на поле боя заметил на шее убитого телефониста ладанку с зашитой в тряпицу полуистлевшей бумажкой. На ней были написаны «извлечения из девяностого псалма с теми изменениями и отклонениями, которые вносит народ в молитвы, постепенно удаляющиеся от подлинника от повторения к повторению. Отрывки церковнославянского текста были переписаны в грамотке по-русски». И дальше Пастернак в мельчайших подробностях сопоставляет по-русски написанные слова с церковнославянским оригиналом: «В псалме говорится: „Живый в помощи Вышнего“ (Живѣѣ въ помѣщи вышнѣмъ)⁴. В грамотке это стало заглавием заговора: „Живые помощи“. Стих псалма „Не убоишися...от стрелы летящая во дни (днем)“ (Не ѡубѡишиа ѿ стрѣлаи ноцинѣмъ, ѿ стрѣлы летѣщѣа во дни) превратился в слова ободрения: „Не бойся стрелы летящей войны“, „Яко позна имя мое“ (Якъ познѣ ѣмѣ моѣ), — говорит псалом. А грамотка: „Поздно имя мое“. „С ним есмь в скорби, изму его..“ (съ нимъ ѣсмъ въ скорби) стало в грамотке „Скоро в зиму его“. Эта молитва тронула Живаго даже больше, чем «тот же девяностый псалом, но в печатном виде и во всей своей славянской подлинности», который был помещен в «золотой футлярчик», висевший на шее молодого белогвардейца (Пастернак, 1990, 331–332). «Славянскую подлинность», естественно, обеспечивал в том числе церковнославянский шрифт.

Поэзия заключена уже в самом начертании церковнославянских букв. Кириллическая азбука имела свою историю, свою энергетику, свою харизму. Этими буквами были запечатлены образцы одухотворенного Писания. Церковнославянским языком сформулированы высшие стремления духа, отрешенные от земного и направленные к небесному, чистому и вечному. По словам Н. П. Саблиной, в церковнославянской азбуке «мы видим, словно небо, ажурное надстрочье из титл, ударений, придыханий, дающее глазу простор», в отличие от строки светской, сравнимой с «чахлой тундрой» [Саблина, 2005, 22]. Действительно, русским людям, принимавшим православие в X в. или во все последующие эпохи, приходилось восходить к нему не только по духовной, но и по языковой лестнице.

В период тревоги о судьбе своих близких и своей судьбе, когда жизнь, казалось, висит на волоске, ночью, в чужом доме, Живаго испытывает чувство неимоверного духовного подъема, любви и вдохновения. «Господи! Господи! — готов был шептать он. — И все это мне! За что мне так много? Как подпустил ты мне к себе, как дал забрести на эту бесценную твою землю, под эти твои звезды...» (Пастернак, 1990, 431). Здесь он напишет свою «Рождественскую звезду». Пастернак так описывает снизошедшее на Живаго поэтическое вдохновение: «Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой... Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер, и рифму, и тысячу других форм и образований еще более важных, но до сих

⁴ Мы позволили себе продублировать по-церковнославянски приводимые в романе фрагменты псалма.

пор не узанных, не учтенных, не названных. В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им...» (Пастернак, 1990, 431).

«Рождественская звезда» — одно из самых «евангельских» стихотворений Пастернака. Его начало («Стояла зима, // Дул ветер из степи. // И холодно было младенцу в вертепе») напрямую восходит к Евангелию от Луки: «и роди сѣа своего первенца, и повичъ сѣго, и положи сѣго въ яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обителѣ» (Лк 2:7). И пастухи, смотрящие «спросонья в полночную даль», — те самые, о которых в Библии сказано: «и пастыри бѣху въ тойже странѣ бдѣще, и стрегуще стражу нощню во стадѣ своеѣ» (Лк 2:8). Пастернак сохраняет библейский сюжет и далее. Упоминание о Вифлеемской звезде («Мерцала звезда по пути в Вифлеем») встречается у всех евангелистов. Так, в Евангелии от Матфея читаем: «Онѣ же поглышавше царя, идѣша. и се звезда, ѡже видѣша на востѣцѣхъ, идѣше предъ ними, дождеже пришеди ста верху, идѣже бѣ отроца. видѣвше же звезда, возрадовашася радостю велию сѣмъ» (Лк 2:9). У Пастернака она уподоблена «отблеску поджога», «хутору в огне и пожару на гумне», «возвышалась горящей скирдой // Соломы и сена // Среди целой вселенной». Нельзя здесь не отметить, сколь удачны сравнения, как соответствуют они обстоятельствам появления на свет Иисуса Христа. «И три звездочета», спешащие «на зов небывалых огней», везущие «на верблюдах дары», «пришедше въ храмни, видѣша отроца съ мрѣю мѣрѣю сѣмъ, и падше поклонилася сѣмъ: и шверзше сокровища своа, принебша сѣмъ дары: злато, и ливанъ, и смирнѣ» (Мф 2:11). Явление «незримых», «бестелесных» ангелов, идущих в гуще толпы, также упоминается в Евангелии от Луки: «и внезапно бысть со агломъ множетво бѣи небухъ, хвалцихъ бѣа, и глаболюцихъ: слава въ вышнихъ бѣхъ, и на землѣ миръ, во члвчцехъ егволеніе» (Мф 2:13). Сопоставление данного стихотворения с евангельским сюжетом убеждает читателя в том, сколь сведущ был Пастернак в библейской истории, сколь глубоко прочувствовал каждое ее слово и как текстуально и эмоционально точны его поэтические образы⁵.

Не отходит поэт от первоисточника и тогда, когда «дает слово» Марии Магдалине. Юрий Живаго задумал стихи о Магдалине как стихи «о безоговорочном и безоглядном душевном обнажении» героини, обретшей право голоса. Рождение у Юрия Живаго замысла этих стихов неслучайно. Он также связан с Симой Тунцевой, разбирающей тексты тропарей и молитв Страстной недели. Сима объясняет Ларисе Федоровне значение церковнославянского слова «страсть» как «страдание», «страсти Господни», «грядый Господь к вольной страсти» (Пастернак, 1990, 407). В ее понимании, богослужебный текст представляет собой систему канонов, догм, в высшей степени традиционных клише, которая может обновляться, видоизменяться, включать в себя различные библейские мотивы. Этот принцип характерен не только для церковных текстов, цитируемых в романе «Доктор Живаго». По этому принципу в значительной степени строится и сам роман, а также поэзия Юрия Живаго [Бертнес, 2011, 368]. Поэтому в стихах так много аллюзий и реминисценций к библейским текстам. Строки «Я жизнь свою, дойдя до края, // Как алавастровый сосуд, // Перед тобою разбиваю» восходят к Евангелию от Марка («пріиде жена ... и сокровиши лавиствъ...», Мк 14:3) и означают у Пастернака глубокое раскаяние лирической героини, отрешение от прошлой жизни. Евангелист Лука рассказывает, как грешница, став позади Иисуса Христа «и стѣвшн при ногѣ сѣго созди пачишиа, начѣтъ ѡмывати нозѣ сѣго слезами, и влами глави своеѣ ѡттираше, и шлобызѣше нозѣ сѣго, и мазаше мромъ» (Лк 7: 38). У Пастернака мы видим почти те же образы: «Обмываю миром из ведерка // Я стопы пречистые твои... // На глаза мне пеленой упали // Пряди распустившихся волос. // Ноги

⁵ Д. Быков указывает на то, что «будущая палитра „Рождественской звезды“ отчасти под-казана пребыванием Б. Пастернака в Венеции. В представления поэта о Рождестве в „причудливый узел“ увязывается «русская зима, райское отрочество, детский праздник, влюбленность, Христос, волхвы», которые «бредут по русскому снежному полю (это в пустыне-то!), а рядом — „погост и небо над кладбищем, полное звезд“, и надеты на пастухах шубы» [Быков, 2007, 87].

я твои в подол уперла, // Их слезами облила, Иисус...». А также образ упавшей «завесы в храме» (для сравнения — Евангелие от Марка: «и ѿ зѣвки црковна раздрѣна на двѣ» (Мк 15:38)). Обращаем внимание на тщательный подбор лексических средств. Пастернак намеренно сближает сакральную лексику, церковнославянизмы («обмываю миром... стопы пречистые твои») и несакральную, «профанную»⁶ («уборка», «толчеи», «из ведерка», «шарю», «в подол уперла») в одном контексте. Так он достигает необходимой антитезы земного и небесного, суетного и вечного.

Стихотворение «На Страстной», рожденное во время тифозной горячки Юрия Живаго, включает в себя немало строк, также относящих читателей к тем или иным событиям Страстной недели: «...со Страстного четверга // Вплоть до Страстной субботы». Заканчивается стихотворение строфой, близко соотносящейся песнопением Великой субботы «Да молчит всякая плоть человека». Кроме того, в тексте содержится косвенное указание на стих 21 главы 19 Евангелия от Матфея («иже хощеші совершити быти, иди, продажди имѣніе твоѣ и даждь нищымъ»), выразившееся у Пастернака стихами: «Как будто вышел человек, // И вынес, и открыл ковчег. // И все до нитки роздал». Церковнославянский глагол повелительного наклонения «даждь» (в русском переводе «раздай») он заменяет неправильным фразеологизмом «все до нитки роздал» (ср.: «обобрать до нитки», что означает «разорить, ограбить, отнять»), что, в сравнении с первоисточником, подано как свершившийся факт человеческой щедрости и самоотречения.

Тесно связанные между собой стихотворения «Чудо» и «Дурные дни» нельзя в полной мере осмыслить, не осознав значения стихотворения «Земля», которое разделяет их. Это стихотворение не включают в цикл «евангельских» стихов Живаго. И тем не менее следует понимать, что расположение стихов Живаго неслучайно. И место каждого «евангельского» произведения в общей композиции строго определено. Стихотворение о Москве «окаймлено» евангельским сюжетом о вхождении Иисуса в Иерусалим: «Он шел из Вифании в Ерусалим...» («Чудо») и «Когда на последней неделе // Входил он в Иерусалим...» («Дурные дни»). Незадолго до смерти доктор Живаго в Москве часто виделся с друзьями детства — Гордоном и Дудоровым. В эти вечера они вели тягостные для Живаго разговоры: «Ему насквозь были ясны пружины их пафоса, шаткость их участия, механизм их рассуждений. Однако не мог же он сказать им: „Дорогие друзья, о, как безнадежно ординарны вы... Единственно живое и яркое в вас это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали“» (Пастернак, 1990, 474)⁷. Стихотворение «Земля» завершают строки:

Для этого весною ранней
Со мною сходятся друзья,
И наши вечера — прощанья,
Пирушки наши — завещанья,
Чтоб тайная струя страданья
Согрела холод бытия.

Эти строки позволяют понять финальную страницу романа, героями которой являются все те же друзья Живаго, через много лет после его смерти склонившиеся над «тетрадью Юрьевых писаний». Им «казалось, что эта свобода души пришла, что именно в этот вечер будущее расположилось ощутимо внизу на улицах... Счастлирое, умиленное спокойствие за этот святой город и за всю землю... проникало их

⁶ Г. А. Казаков существенным свойством семантики сакрального называет «оппозиционность в плане отделения от несакрального... и включения противоположных значений типа „добро“ — „зло“, „божественное“ — „богопротивное“ и т. п., которые, видимо, воспринимаются как равноудаленные от нейтральной точки семантические полюсы» [Казаков, 2016, 133].

⁷ Некоторые исследователи, например Д. Быков, пишут о том, что Юрий Живаго ассоциирует себя с Христом. Как и Пастернаку многие современники ставили в вину эту фантастическую гордыню [Быков, 2007, 23].

и охватывало неслышною музыкой счастья, разлившейся далеко кругом. И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение» (Пастернак, 1990, 510). «Тайная струя страдания» Юрия Живаго «согрела холод бытия» тех, кто знал и любил его.

«Тайная струя страдания» лирического героя стихотворения «Чудо» сблизила его с «пустоцветом», смоковницей, не исполнившей своего предназначения, в то время как Иисус «жаждет» и «алчет». И тогда Он явил своим ученикам «чудо»: «Н ѿбѣ ѿзѣше смоковница. Н видѣвше оучѣнцы днѣишаго, глаголюще: какъ ѿбѣ ѿзѣше смоковница; ѿвѣщава же ѿнѣх рече н мз: ѿмнѣн глаголю: ѿще имате вѣрѣ н не оубѣдѣте, не тобѣмъ смоковничное сотворите, но ѿще н горѣ сей речете: двинѣна н вѣрзѣна въ море, бѣдетъ: н всѣ, елика ѿще воспрѣте въ молнѣтѣ вѣрѣюще, прѣимете» (Мф 21: 19–22). «По дереву дрожь осужденья прошла, // Как молнии искра по громоотводу. // Смоковницу испепелило до тла». Так и лирического героя Пастернака «настигает мгновенно, врасплох» «чудо» — «и чудо есть Бог». «Чудом» Живаго называет внезапно озарение, вдохновение, которые выводят его из состояния «смятенья» и «разброда».

Стихотворение «Дурные дни» возвращает читателя к событиям, случившимся чуть ранее и связанным с самим фактом торжественного въезда Христа в Иерусалим. «Множайшии же народи постигашу рѣзы вѣдѣ по пѣтн: дрѣвѣн же рѣзашу вѣтѣн ѿ дрѣвѣн н постигашу по пѣтн. жѣ Народи же прѣходѣщи (ѣмѣ) н влѣдѣющеи звѣшѣ, глаголюще: ѿлѣнна сѣдѣ до вѣ: блг вѣнѣ градѣи во имѣ гдѣне: ѿлѣнна въ вѣшнѣхъ» (Мф 21:8–9). У Пастернака детали изъявления народного восторга подчеркнута скупы: «Осанны навстречу гремели, // Бежали с ветвями за ним». Недолговечно признание, «И с пылкостью тою же самой, // Как славили прежде, кланут». Дальнейшее содержание стихотворения представляет собой обращение к евангельским стихам, описывающим, как «аггѣл гдѣнъ во снѣ ѣвнѣа ѿвнѣшѣ, глагола: востѣвъ поннѣ ѿточѣа н мѣрѣ ѣгѣвѣ, н вѣжнѣ во ѣгѣпетѣ» (Мф 2:13), и то, как «полатѣ ѣгѣ дѣвола на горѣ высокѣ сѣлѣ, н показѣ ѣмѣ всѣ цѣрѣтѣа мѣра н слѣвѣ ѿхѣ, жѣ н глагола ѣмѣ: сѣа всѣа тѣбѣ дѣмѣ, ѿще пѣдѣ поклонѣшииша» (Мф 4:8–9).

Заключительное стихотворение Юрия Живаго «Гефсиманский сад» Пастернак посвятил Анне Андреевне Ахматовой. Произведение подробно, сохраняя детали, излагает евангельский сюжет, повествующий о последней молитве Иисуса Христа, прощании с учениками и взятии Его под стражу. Здесь содержится практически подстрочный перевод на русский язык стиха из Евангелия от Матфея «Тогда гла имъ» (Мф 26:38) — «Он им сказал: Душа скорбит смертельно, // Побудьте здесь и бодрствуйте со мной». Стихотворный вариант даже более точный, чем Синодальный перевод: Пастернак сохраняет аорист (иказѣа) церковнославянского стѣаа говорить и употребляет форму прошедшего времени (сказал), тогда как в Синодальном переводе — «говорит им Иисус».

Поражают своей точностью (не столько лексической, сколько семантической) следующие строки Пастернака: «Он отказался без противоборства, // Как от вещей, полученных взаймы, // От всемогущества и чудотворства. // И был теперь как смертные, как мы». Святой апостол Павел в Послании к Филиппийцам, комментируя это деяние Иисуса Христа, говорит: «Во ѿбразѣ вѣнѣи сѣи» (Мф 2:6–7). Пастернак, подбирая слова, отсутствующие в оригинале (*противоборство, всемогущество, чудотворство*), намеренно употребляет церковнославянизмы, в данном случае восходящие к смысловым копиям (калька) греческих слов Священного Писания. Для церковнославянского языка весьма характерна приставка *вѣ-* (означает усиление, полноту), буква *ѣ* на месте древнерусского *ч* (могущество — могучий), а существительное *чудотворство* напрямую восходит к церковнославянскому глаголу *чѣдѣтворити* — стал совершать чудеса.

Все евангелисты, передающие слова молитвы Иисуса Христа «ѿбѣ мой, ѿще возможно ѣтъ, да мимоидѣтъ ѿ менѣ чѣша сѣа: ѿбѣ не ѣкоже ѣзѣ хѣщѣ, но ѣкоже тѣ» (Мф 26: 39), обязательно показывают Его смирение перед волей Божьей. В «Гефсиманском саду» Пастернак как будто не передает этой мысли: «Чтоб эта чаша смерти миновала, // В поту кровавом он молил Отца» (сравним с «Гамлетом» — «Если

только можно, Авва Отче, // Чашу эту мимо пронеси»). Почти дословно поэт передает слова Матфея: «и, приближися часъ, и гнѣхъ члвчбскій предлѣтѣа въ рѣки грѣшникѣвъ» — «и настал час и человеческого сын... в руки людей грешных (Мф 26:45) («Час Сына Человеческого пробил. // Он в руки грешников себя предаст»), поменяв лишь порядок слов, поставив в сильную позицию конца своего стиха глагол. Такая точность еще больше подчеркивает образы, отсутствующие в Евангелии: стилистически сниженная лексика ставит их по отношению к сказанному выше в позицию резкого контраста («ученики... валялись в придорожном ковыле», «разлеглись, как пласт», «толпа рабов», «скопище бродяг», «головорезы»).

Пересказывая далее этот сюжет, Пастернак широко использует церковнославянизмы: «С предательским лобзаньем на устах», «отсек», «вложи», «восстану» и др. Подобранные поэтом языковые средства свидетельствуют о внимательном прочтении всех Евангелий, причем как переведенных на русский и другие европейские языки (например, немецкий), так и церковнославянских. Так, его строка «Петр дал мечом отпор...» восходит к переводным вариантам, так как только в русских переводах упоминается «меч» (в церковнославянских вариантах в Евангелиях от Матфея, Луки и Иоанна — «нож»). И только в Евангелии от Иоанна вступивший за Иисуса Христа назван по имени. Существенным отличием стихотворения Б. Л. Пастернака от евангельских текстов является заметное расширение монологической части, в которой Иисус Христос говорит с соработавшими.

Над гробом с телом Юрия Живаго Ларисе Федоровне вновь открылось «что-то крупное, неотменимое. Загадка жизни, загадка смерти, прелесть гения, прелесть обнажения... А мелкие мировые дрязги вроде перекройки земного шара, это извините, увольте, это не по нашей части» (Пастернак, 1990а, 495). Только эти двое в романе и умели понять истинную красоту бытия. Когда в 1922 году Живаго вернулся в Москву, его будто бы захватил «новый строй впечатлений, подмеченный в жизни», и им овладело желание написать о новой Москве, «беспреданно и без умолку шевелящемся и рокошующем за дверьми и окнами городе». Но, как заметил автор, «в сохранившейся стихотворной тетради Живаго не встретилось таких стихов. Может быть, стихотворение „Гамлет“ относится к этому разряду?» (Пастернак, 1990, 482). Сомнение автора неслучайно. Пожалуй, это стихотворение не о новой Москве. Зато оно удивительно перекликается с тем, о чем думалось Ларисе Федоровне во время прощания с Юрием Живаго.

На меня направлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Как верно подметила А. Сергеева-Клятис, стихи на евангельские темы органично соединялись с теми, которые включали переживания событий собственной жизни Живаго. Одним из таких примеров и является стихотворение «Гамлет» [Сергеева-Клятис, 2015, 314].

Заключение

В сюжете романа «евангельские» стихи Юрий Живаго пишет в самые тяжелые периоды в жизни страны, во время революции, гражданской войны, первых лет советской власти, и поэтому к нему в полной мере могут быть отнесены слова свт. Игнатия (Брянчанинова): «Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго,

на них тот будет плакать» (Игнатий Брянчанинов, 1995, 220). При этом факты библейской истории не выглядят отстраненными от автора или читателя, поэт делает их глубоко личным переживанием, поэтому лексически и синтаксически не отделяет, не обособляет, не отгораживает их от современного русского литературного языка. «Выход» церковнославянского языка «из храма под открытое небо языка» был осуществлен Пастернаком в согласии со своим видением истории цивилизации, о чем он неоднократно писал в том числе в «Охранной грамоте»: «...Библия есть не столько книга с твердым текстом, сколько записная тетрадь человечества, и что таково все вековечное. Что оно жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие века» (Пастернак, 1991б, 208).

И тем не менее некоторые «евангельские» стихи Пастернака позволяют говорить о более точном, чем в Синодальном переводе, следовании церковнославянскому варианту Библии. Это касается, к примеру, некоторых глагольных форм. Скрупулезный подбор лексических средств, смысловых калек греческих слов позволил Борису Леонидовичу достичь текстуальной и эмоциональной точности поэтических образов. Намеренное сближение в пределах контекста сакральной и «профанной» лексики сделало очевидным контраст «земного» и «небесного». Аллюзивно-реминисцированная природа «евангельских» стихотворений романа «Доктор Живаго», расширение монологической части в сравнении с первоисточником, использование библейских сюжетов в качестве вставных эпизодов, широкое использование инверсионных конструкций — все это воспринимается читателем как формы диалога поэта и писателя Бориса Пастернака с «записной тетрадью человечества».

В заключение хотим привести строки из письма Пастернака Г. И. Гудзь, которое по сути явилось ответом Варламу Шаламову: «...я стараюсь изложить в современном переводе, на нынешнем языке, более обычном, рядовом и спокойном, хоть некоторую часть того мира, хоть самое дорогое (но Вы не думайте, что эту часть составляет евангельская тема, это было бы ошибкой. Нет, но издали, из-за веков отмеченное этой темой тепловое, цветковое, органическое восприятие жизни)» (Пастернак, 2005а, 721). Вот откуда проистекает «библейский лаконизм» романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», его «кроткая и умиленная, слезная интонация» [Быков, 2007, 721]. «Выход из храма под открытое небо языка» был осуществлен Пастернаком в полном согласии с пониманием искусства как одной из форм христианского служения.

Источники и литература

Источники

1. Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета (на церковнославянском языке). URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ev_matf.html (дата обращения: 10.10.2020).
2. Игнатий Брянчанинов (1995) — Собрание писем свт. Игнатия / Сост. игум. Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995.
3. Пастернак (1991а) — *Пастернак Б. Л. Детство Люверс // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 4. 910 с.*
4. Пастернак (1990) — *Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. 734 с.*
5. Пастернак (1991б) — *Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Повести; Статьи; Очерки. М.: Худож. лит., 1991. С. 149–240.*
6. Пастернак (2005а) — *Пастернак Б. Л. Письмо Г. И. Гудзь от 7 марта 1953 г. // Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. 9. 784 с.*

7. Пастернак (2005б) — *Пастернак Б. Л.* Письмо Жаклин де Пруайяр от 2 мая 1959 г. // *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. 10. 678 с.
8. Цветаева, Пастернак (2016) — *Цветаева М. И., Пастернак Б. Л.* Через лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов / Изд. подгот. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Издательство АСТ, 2016. 656 с. (Письма и дневники).

Литература

9. Абельюк, Поливанов (2009) — *Абельюк Е. С., Поливанов К. М.* История русской литературы XX века: Книга для просвещенных учителей и учеников: в 2 кн. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Кн. 2. 352 с.
10. Бёртнес (2011) — *Бёртнес Ю.* Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики, 2011. № 9. С. 361–377.
11. Быков (2007) — *Быков Д. Л.* Борис Пастернак. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. 893 [3] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: Сер. Биогр.; Вып. 1039).
12. Вигилянская (2015) — *Вигилянская А.* «Борис Пастернак: настольная книга — Евангелие». Интервью с Евгением Борисовичем и Еленой Владимировной Пастернак. 10 февраля 2015. URL: <https://www.pravmir.ru/evgenij-pasternak-nastolnoj-knigoj-otca-bylo-evangelie/> (дата обращения: 10.10.2020).
13. Казаков (2016) — *Казаков Г. А.* Сакральная лексика в системе языка. М.: ИД «КДУ», 2016. 142 с.
14. Кравецкий, Плетнева (2001) — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
15. Покровский (1906) — *Покровский Н.* О богослужебном языке Русской Православной церкви // Церковный вестник. 1906, № 16.
16. Саблина (2005) — *Саблина Н. П.* Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты / Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений. М., 2005.
17. Седакова (2010) — *Седакова О.* Четыре тома. Том III: Poetica. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 584 с.
18. Сергеева-Клятис (2015) — *Сергеева-Клятис А. Ю.* Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2015. 365 [3] с. (Жизнь замечательных людей: малая серия: сер. Биогр.; Вып. 82).
19. Шанский (2002) — *Шанский Н. М.* Среди поэтических строк Б. Л. Пастернака // *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ стихотворного текста: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 2002. 224 с. С. 213–221.